

перекладывает на музыку более ста произведений Тикамацу, основывая в Киото свой кукольный театр — «Такэмото-дза». Постановки здесь выливаются уже в чисто драматические формы, и от кукловода требуется большое искусство. С веками образовались целые династии кукловодов. Так, например, «дом Ёсида» ведет свое начало от первого кукловода XVII века Ёсида Бундзабуро и пользуется завидной репутацией «непревзойденного».

В XVIII веке кукольный театр достигает удивительных результатов. Вначале для манипуляций одной куклой требовался один человек. Но по мере совершенствования его техники каждую из них стали обслуживать целых три кукловода. Зато и куклы «подросли» и смогли не только шевелить головой и руками, но и двигать глазами, ртом и даже бровями, создавая полнейший эффект игры живого актера.

Осакский кукольный театр «Бунгэки-дза» прославился как пышностью и богатством костюмов, так

Сцена из кукольного спектакля.

«Артист» одного из самых известных в стране кукольных театров — театра «Бунраку».

«Бунгэки-дза»

З. ПОПОВА

КОЛЫБЕЛЬЮ классической формы театрального искусства Японии — театра «Кабуки» считается осакский кукольный театр «Бунгэки-дза», сохранившийся до наших дней как живой памятник эпохи японского Возрождения.

Куклы на японской сцене появляются в XVII веке, и с ними в театр приходят особого типа актеры: кукловоды и певец-пересказчик — тайю, воплощающий в одном лице роли всех марионеток.

Зародившийся в Киото — там он носил название «Дзёрури» — кукольный театр проникает затем в Осаку, а позднее и в Токио. В каждом из этих городов образуется своя школа кукловодов, свои, конкурирующие между собою музыкальные школы, среди которых выделяется школа Такэмото Гидайю (1651—1714). Она кладет начало классическому музыкальному жанру «гидайю» со знаменитой серией героических баллад «ямабуси», которые в Японии поют и в наши дни.

Это эпоха расцвета японской классики. На грани XVII—XVIII веков живет и творит крупнейший драматург Японии Тикамацу Мондзаэмон. Певец Гидайю

и своим техническим совершенством, не говоря уж об актерском мастерстве тайю. Это высокоценные артисты, обладающие удивительно богатыми оттенками голоса. Тайю вызывает смех и слезы, заставляя публику забывать, что на подмостках куклы. Высшая степень искусства тайю достигается немногими. В настоящее время в Японии только один тайю удостоился того, чтобы его имя оканчивалось

почетным «дзё», — это Ямасироно Сёдзё, талантливый актер и имитатор. Его голос способен звучать нежным серебром девичьего смеха или разливаться соловьиной трелью так, что невольно ищешь глазами несуществующие «кущи роз», где спрятался певец любви.

Сценический декорум «Бунгэки-дза» очень прост, но своеобразен. Характерны движущиеся декорации заднего плана, создающие впечатление, что куклы идут по дороге, которая изображается досками: серая доска с белыми крапинками означает дорожку, посыпанную галькой, как это принято в японских парках; зеленая доска — берег реки; доска с яркими клетками — цветочный бордюр и т. д. Справа, вполборота к публике, сидит тайю, передавая речь «артистов» со всеми оттенками, интонациями мужских и женских голосов. Под аккомпанемент сямисена (это музыкальный инструмент типа балалайки) тайю воспроизводит не только речь, но и целый ряд звуков, вливающих в разговор и создающих иллюзию полнокровной жизни.

Куклы состоят из свободно движущихся частей, причем к одному торсу приставляют разные головы. Сейчас у «Бунгэки-дза» в наличии 40 голов общего типа и 20 — для особых характеров. И какие! От нежной девичьей улыбки до жуткого оскала оборотня (обакэ) — «лица ревнивой женщины, приобретающего кошачьи черты». Рядом с безмятежным лицом седого мудреца — красавец-самурай с «чубом» на бритой голове. Зато тело куклы очень прозаично: оно состоит из бамбуковых палок с плечами из люфы.

Руки и ноги — полые, для манипуляции ими изнутри; кисти рук и пальцы мужских ног подвижны. У женских кукол пальцы рук сгибаются в трех фалангах, зато ступни у них отсутствуют. Женские одежды ложатся на пол, и подол приводится в движение руками кукловода, что создает иллюзию женской походки. Ноги — характерное отличие мужских кукол; они сгибаются в коленях и в ступне. Малейшее движение не только рук, ног и головы, но и бровей и глаз, меняющих выражение лица, строго координируется с музыкальным аккомпанементом и речитативом тайю. Управляющий марионеткой кукловод стоит за сценой на высоченных деревянных гэта — «обуви-скамеечке»; его голова и плечи нет-нет да и появляются за куклой, как призрак. На авансцене зияют отверстия, темные, как шахты; из этой преисподней беззвучно появляется «некто в черном». Это немой прислужник сцены: он уносит или приносит аксессуары, помогает актерам. «Рабочие сцены» одеты во все черное, лица совершенно закрыты капюшоном, и они условно невидимы публике, но зрителю-иностранцу этот «некто в черном» чрезвычайно заметен, и его тянет всмотреться в эту живую тень, скользящую между одушевленными и неодушевленными актерами.

«Бунгэки-дза» и сегодняшнего зрителя поражает сложностью своей техники и роскошью костюмов. Ведь костюм в кукольном театре — это 99 процентов героя. Нельзя не отдать должного и высокой художественной технике «Бунгэки-дза», требующей особого знания материалов, световых, звуковых и красочных эффектов, превращающих куклу в живую плоть.

Трагедии в программах кукольного театра, как и в «человеческих» театрах «Кабуки» и «Но», чередуются с фарсами — одноактными «кёгэн».

Среди этих «интермедий» чрезвычайно популярна серия «24 пьес» — «Хончо нидзюси-ко», из которых наиболее интересна «Кицунэ-би» (1776 год).

Принцесса Яэгэки увлечена придворным Кацуёри; узнав, что жизни его грозит опасность, она не задумываясь обращается к колдовским чарам лисицы. И Яэгэки и лисица очень хороши. Непередаваемое красноречие и грация жеста увлекают зрителя, даже не владеющего японским языком. «Играющая» Яэгэки кукла-красавица передает всю гамму женского кокетства, так что совсем забываешь, что она только кукла.

После второй мировой войны, в 1949 году, «Бунгэки-дза» разделился на две труппы — «Тинами» и «Мицува». Каждая имеет свой репертуар, но и та и другая придерживаются исторической тематики.

БЛОК МОДИСАНЕ ЮАР

Это я

Боже,
я черный,
дьявольски черный,
я абсолютно черный,
жадно хватающий жизнь,
мертвецки пьяный от счастья,
терпящий боль,
переживший обиду:
черный от гнева,
черный от скорби,
черный от радости
и от печали,
пульсирующий,
дрожащий,
хрупкий,
наглый, застенчивый,
глупый, мудрый,
грубый, корявый,
в грязи и злобе,
нежный, от доброты размякший,
прямой,
как кокосовая пальма,
словно Африка,
разнообразный:
невыносимый, словно Сахара,
мягкий, как Средиземноморье.
Это я — черный, черный, черный,
такой как есть,
такой, как все,
и стать другим не могу.

Перевел
Михаил Курганцев